

- Франтите, Витольд Львович, - вместо приветствия усмехнулся Аристов. - Тросточкой обзавелись. Вам бы еще усики тоненькие, панателлу и мундир этот отвратительный снять. Зачем пожаловали, снова в полицмейстерство отвезете или сразу в каталажку?

- Что вы, Павел Мстиславович, я поговорить приехал.

- Если поговорить... - дворянин задумался буквально на мгновение, при этом взгляд его не стал менее озорным.

Первый раз Мих такого аристократа встречал. Обычно высокородные важные, ведут себя степенно, размеренно, будто своим существованием благодетельствуют каждому оказывают. Аристов непохож на них был. С виду не сказать, чтобы молод, на глаз шестой десяток разменял (хотя ни седой волосиночки, голова рыжая, огненная, точно пламенем объята), но душой вроде молодого человека. Даже Меркулов себя сдержаннее ведет, а Павел Мстиславович будто годов за спиной не чувствует. Даже в чем-то завидно орчуку стало.

- Ну заходите, раз так, - кивнул Аристов, хотя они и так стояли на пороге. Только лишь слуга после его слов закрыл за пришедшими дверь.

Особняк «огненного господина», как называли Павла Мстиславовича в народе, был менее внушительным, нежели у великого князя: большие залы здесь уступали место многочисленным комнатам, сменявшим друг друга; удобные и добротные бержеры заменяли вычурные резные кресла, на которые и посмотреть у Его Высочества было страшно, не то, что сесть; вместо люстр свечных множество широких подвесных чаш из меди (как догадался Мих с маслом), навряд ли церковных лампад, от которых и было основное освещение.

Прошли они через три комнаты и коридор, пока не оказались в кабинете Павла Мстиславовича. У Мухи сразу глаза разбежались, с двух сторон, вдоль стен от дверей до самого окна стеллажи книгами забитые. И видно, редко ими кто пользуется, мало которые пылью не покрыты. Орчук недоброе про хозяина подумал, не любил он, когда к книгам поверхностно относятся. Роман ли какой с приключениями вымышленными, воспоминания чиновника, словарь или кодекс. Книга она и есть книга, много трудов положено, чтобы написать любую. Поэтому пыль ею собирать, какой бы дрянной не была, негоже.

- Зря вы, Витольд Львович, орчука этого за собой таскаете, - заметил недовольный взгляд Мухи, который можно было принять за злобный, Аристов.

- А вы зря так о Михайле. Он хоть и оркской крови, но смирный, нашей, православной веры.

- Был у меня один такой знакомый полицмейстер в Сундыре, городишко не бог весть какой, небольшой, следом за Ижнегодью.

- Знаю, у южно-восточных рубежей, - кивнул Меркулов.

- Именно, почти у границы. Так в рассказывал, как в ближней деревне у них сеча произошла, между гусарами и кочевничьими татниками. Последние давно наших крестьян набегами тревожили. Придут из степей, разграбят и обратно, в Орду. Уж и ругались с ханом, и посол наш в Ойн-иду ездил, а те одно твердят - орки не наши, поймайте их в Славии, что хотите делайте. Так Его Величество и отправил на границу эскадрон гусар из знаменитого малославийского полка. Лучших из лучших. И повезло, в первой же заварушке посекали орков - тех разбойничать не больше двух десятков вышло. Боле того, до поселения в самой Орде преследовали и его сожгли. Ни одного не оставили: женщин, стариков, всех под клинок. Дальше наших пленников освободили, среди которых бабы на сносях были. Знаете ли, любят орки позабавиться, им даже

без разницы особой: зеленокожая или человеческого роду. Про других не знаю, а вот одна, когда ее обратно везли, аккуратно в Сундыре родила. От ребенка насильного она отказалась, да и уехала, а его, орчука этого, мельник взял на воспитание. Вроде жалко, какое-никакое, а живое существо. Как сына родного принял, покрестил, имя православное дал. Да сколько кочевника не корми, он все в степь смотрит. Пятнадцать лет мирно жили, а на шестнадцатый, возьми этот орчук, да вырежи в ночь обычным мясницким тесаком всю семью мельника, мой знакомец лично трупы свидетельствовал, и бежать в Орду. Такая вот история.

- И что, не поймали его?

- Сундырь верхом в дне пути от границы, а орки вы же знаете, как бегают. Конечно, сил много тратят, едят потом за троих, но дело свое знают. А уж с Орды выдачи нет.

- Навели вы страху, Павел Мстиславович, Михайло уж сколько лет тут живет, отец у него человек, воспитал лучшим образом.

- Волка овцой не сделаешь. Хотя, Витольд Львович, дело ваше. Но перед началом разговора я бы попросил вашего Михайло выйти.

- Мне совершенно нечего скрывать от него.

- А мне есть, - коротко ответил Аристов и орчук понял, что впервые за все время в его глазах нет намека на шутливость.

- Михайло, - обернулся Меркулов, но Мих сам уже все понял.

Тихонько вышел из кабинета в нечто, напоминающее гостиную. Заметил, что он тут не один, давешний слуга молчаливо стоял с канделябром, освещая свое и без того неприятное лицо. Хотел было Мих сесть, но потом подумал, вдруг не выдержит его кресло, да развалится. Нет уж, лучше отстоять на своих двоих положенное время.

На Аристова потомок кочевников не обижался. Чай, не парубок, кровь в нем давно от таких обидных слов не кипела. Ну судит по одному орчуку обо всех, подобное Мих не раз видел. И грехи ему чужие приписывали, и бранью частенько поливали, порой обидеть кто хотел. Однако ж хотеть и смочь - две большие разницы. А слова - пожухлая листва, иной скажет, а ветер и унесет.

Говорили долго, Мих уже затомился. Слуга, знай, стоит, не шелохнется, чисто статуя, а орчук к тому не привык. Ему бы хоть пройтись немного, да нельзя, не улица, чтобы тудыть-судыть шастать. От нетерпения и избытка внутренних сил стал Мих с пятки на носок перекатываться, но тоже недолго, пока пол под ним скрипеть не стал. Слава Господу, к тому времени уже и господин вышел.

Павел Мстиславович за ним шел на себя непохож: хмурый, молчаливый, нижнюю губу покусывающий. Видно было, крепко теперь задумался, будто Меркулов невесть что ему сообщил. Теперь и Миха любопытство взяло. Уж пошто он терпеливый был, а все равно решил после попытаться о беседе.

Довели их до самого выхода, после чего Аристов крепко руку титулярному советнику пожал и в глаза заглянул пристально.

- Благодарю вас, Витольд Львович, за сведения. Буду вам должен.

- Ну что вы, Павел Мстиславович, я это не из-за личной корысти сообщил. Вы меня на приеме у великого князя уберегли, лишь постарался отплатить той же монетой.

Бывший Аристов, что еще про орчука-убийцу рассказывал, съязвил бы или просто шутку какую отпустил, но нынешний лишь поклонился. На том и распрощались. Только дверь за ними закрылась, как Мих с расспросами к Витольду Львовичу кинулся.

- Господин, что вы ему такого сказали? На нем же лица не было.

Меркулов обернулся, посмотрел на окна особняка Аристовых и ответил.

- Пролетку поймай, по пути и расскажу.

Как назло, ни один экипаж не останавливался. Время уже было позднее, смеркаться стало, а здоровенный орчук, одетый как попало, особенной доверительности не внушал. Через четверть часа, когда совсем стемнело, сказал Меркулов Миху ближе к стене отойти, чтобы на мостовой не сверкал голыми пятками, и стал сам ваньку ловить. Двух минут не прошло, как они уже ехали по темным улицам Моршана, еле освещенным и начавшему жить по своим законам.

Шумели многоголосием питейные и таверны, нередко слышались звуки крепкой драки и свист городских, скрипели, запираясь, замки дворов, из-за ворот которых недовольно зыркали дворники. На Беловецкой встретил Мих и вовсе странную парочку – дородная баба, не менее шести пудов весу, тащила на себе пьяненького хлипкого мужичонку. Проспится завтра, посмотрит на лицо, женой разукрашенное, да пойдет в тяжелом похмелье дальше лямку тянуть.

Разошелся, раздухарился, раззадорился Моршан. Дышал на путников хмельным угаром, ворчал и переругивался, раскрыв окна ночлежных домов, стenal о новом, еще не наступившем дне и страдал. В диковинку было все Миху. Слышал он нелестное об этом районе, но ранее никогда и не подумал бы, что так все плохо. Да их же Никольская, где и ограбить могут, но не спяну, а по делу исключительно (и нечего по ночам по улицам шастать, тем паче хмельным) оказывается не такое уж и гиблое место. Тут же видно, что терзались люди от своей жизни и от своих мучений старались другим боль причинить.

Лишь когда Покровку проехали, все поменялось. Освещение не в пример лучше стало, крики и брань почти прекратились, да и общество совершенно другого качества на улицах появилось. Даже ваньки тут не стараются быстрее проскользнуть, а чинно едут, благообразно. Только теперь Витольд Львович, все это время молчавший и думавший, встрепенулcя. Вроде внезапно от дремы пробудившись, и сказал.

- Я ему перо оплавленное показал. И сказал, где нашел. Мыслями своими поделился по поводу температуры, при которой бриллианты в графит превратились.

- А он что? - Весь подобрался Мих.

- Заинтересовался, - ответил Меркулов не сразу, тщательно подбирая нужное слово, - он не дурак, сам понимает, что и к чему.

- Дурно получилось, вроде как Его превосходительству сначала надо было о пере доложить.

- Так или иначе, но Александр Александрович завтра узнает о нем. А я выясню, через кого Павел Мстиславович вхож в полицмейстерство, либо напротив.

- Как это, господин?

- Завтра увидишь. Интересно другое, как теперь себя будет вести Аристов. Как я говорил, алиби у него железное, но вместе с тем все, а теперь и главная улика указывает на него. Под ним, естественно, я подразумеваю его семью.

- Голова у меня пухнет, господин, от этих вывертов.

- И то ли еще будет, Мих. Чувствую, все тут очень запутанно. Ну да ладно, нам бы скорее Элариэля найти, да поговорить хорошенько.

И замолчал. Орчук пару раз пытался разговор продолжить - ведь что может быть лучше дорогой покумекать о том, о сем, тем паче с человеком интересным - да Меркулов опять в себя ушел. Мих уже к раздумьям господина привыкать начал. Смерть как завлекательно у него все происходило. Сидит, думает, думает, думает и раз, мысль нужную нащупывает. У орчука лишь наоборот, чем больше размышляет на один и тот же предмет, тем сильнее голова болит, а выхода положительного никакого нет.

За тем и до дома добрались. Мих сначала в трактир сбегал, что подале находился. Слышал, будто там блюда вкуснее, хоть и дороже немного. Принес блюдо с презабавным названием беф-аля-строганов, на деле представляющий собой заветренные куски говядины, залитых странным соусом с запахом сметаны, захватил остатки судака орли-сомат и запеченного глухаря. Не будь так поздно, то и поболее выбрать можно, так же пришлось довольствоваться и оным.

Отужинали. Мих с аппетитом, а титулярный советник скорее рассеянно. После орчук за водой для умывания сбегал, легли. Полукровка соорудил себе нечто вроде топчана в столовой, тесновато, но ничего - крыша над головой есть, уже ладно. Лег, а сам прислушивается, как господин там кряхтит. Спрашивал, чего болит, тот отнекивается. Может, конечно, ребра после того удара повредил, так не сознается. Еще и револьвер новехонький рядом с собой положил, нечто опасается чего?

Накрутил себя орчук, настрашал опасностями мнимыми, аж сон прошел. Так и провел всю ночь вздрагивающе, только задремлет, как сон дурной пойдет. В нем Черный, тот, что в плаще, росту невиданного, вроде по улицам ходит и в окна заглядывает. И чудится Миху, что ежели взглядом с ним встретиться, то руку тот протянет и заберет с собой. Вот, снаружи звякнуло, от окна тень надвинулась, вздрогнул орчук, вскрикнул негромко и проснулся. Тихо в доме, на улице только кто-то уходит, торопливо, а так ничего. Его благородие спит, разбросал свои руки худые, лицо и без того полнокровностью не обладавшее теперь вовсе бледно. Эх, кормить его надо, да как следует. Да физической активностью нагрузить, только хитро подступиться, а не в лоб. Ну ничего, Витольд Львович хоть и умен, а пронырливости в нем чуть да маленько, не то что у Муха.

Лег орчук на другой бок, а сна нет. Так и ворочался до самого утра, точнее почти до самого. На рассвете, когда даже рабочие еще только глаз наполовину открывают и думают, что вставать скоро пора настанет, послышался шум шагов по лестнице, а позже и стук в дверь. Орчук на ноги поднялся и открывать пошел. Мысли недобрые, к самому плохому готов уже был, и зря, как оказалось. То гонец был, из их ведомства, совсем парнишка на вид.

- Добрый день, Его благородие дома?! - Рывкнул он.

- Дома, дома. Ты чего, балда, голосишь? Спит Его благородие.

- Не сплю, Мих, - послышался голос позади. Не иначе как Меркулов на ноги поднялся.

- Ваше благородие! - Вытянувшись и через плечо орчука обращаясь, пока тот медленно поворачивался, крикнул посыльный. - Вас Его Превосходительство, то бишь не так, простите... Его благородию, исполняющему обязанности пристава следственных дел по особым поручениям сыскного управления при Моршанском обер-полицмейстерстве приказано явиться к Его Превосходительству...

- Понял, понял, - махнул рукой Меркулов, позволяя посыльному перевести дух. - Как скоро?

- Немедленно, Ваше Благородие, - несколько смущено ответит тот.

- Одевайся, Мих. А ты, как тебя?

- Еремей.

- Беги наружу, поймай пока пролетку.

Странные ощущения обуревали Муха. С одной стороны, хорошего мало - вызывал их Его превосходительство ни свет ни заря не ради душевного разговора, с другой - наконец он смог в полной красе себя показать: в мундир облачен, бляха на ремне начищена, новехонькие сапоги сверкают (хоть и жмут безбожно). Мало кто теперь окрихнет орчука грубо. Похож, ах похож Мих на служащего четырнадцатого чина. Захотелось даже нарочно на Никольскую вернуться, да показать себя, мол, глядите, кем стал, в люди выбился.

Но времени нет. Оделись, даже не поели, а ведь дурной знак на пустой живот день начинать. Но делать нечего. Выбрались из дома, старушка-хозяйка вслед высунулась, однако ничего не сказала. А Еремей уже впереди пролетки рядом с извозчиком сидит. С ними, значит, поедет. Мих разве против? А Витольду Львовичу совсем без разницы, сел, вертит в руках трость отобранную, в себе копается. Хорошо, что безделицу взял, какая-никакая, а шпага. Да и револьвер в кобуре притаился, ждет своего времени. Не дай Бог, если придется им воспользоваться, но правильно, что о безопасности думает. Мих он хоть и сильный, крепкий, но против ружья какого или пистоля (у, подлое оружие) сделать ничего не успеет.

Домчали быстро. Моршан, еще спящий, представлял собой интересное зрелище - пустые улицы, молчаливые дома, даже дышать что ли чище стало. Не видал орчук раньше такой столицы, оно и понятно, куда ему поздней ночью или с первой зорькой шастать? Слышал он, что некоторые студиизоды водят барышень свободного нраву (это которых без компаньонки гулять отпускают) на Сокольничью гору рассвет встречать. Но знал он, чем все эти прогулки заканчиваются. Мужская природа она нехитрая и определенных потребностей требует, а для этого и не таким соловьем запоешь.

В думах и к Столешникову переулку подъехали. Еремей даже вперед выскочил и дверь открыл, прыткий какой. А внутри уже затерялся. Оно и понятно, кому охота большая к обер-полицмейстеру идти в такой ранний час. Наверху, еще даже не входя в кабинет, почувствовал Мих как тревожно вокруг - сидело в приемной несколько полицейских чинов с землянистыми невыспавшимися лицами, готовыми к любой прихоти начальника. Чуть ли не вполз под стол прыщавый секретарь, да не доносилось ни звука из-за отворенной двери, хотя там, судя по всему, немало было народу.

Меркулов вперед пошел, а орчук заглянул лишь, так и есть: обер-полицмейстер и все три полицмейстера. Хотел схорониться, тут отсидеться, но Его превосходительство грозно рявкнул.

- И Муха своего заводи!

От окрика такого у орчука колени дрогнули, но делать нечего, зашел, коли уж не зовут даже, а требуют. Витольд Львович вперед вышел, не сел, хотя место имелось, стоять остался. Лицом потускшел, губы в нитку сжал, но взор не отвел.

- Почему, я тебя спрашиваю, мне сообщают, что на тебя нападают?! Не от тебя узнаю, а от людей чужих?

- Простите, Ваше превосходительство. Растерялся. Да и приложили меня сильно, поехал отлеживаться.

Обер-полицмейстер недовольно поглядел на Витольда Львович, но смягчился.

- Ну я смотрю живой, руки-ноги целы, - сказал он все еще сердито, но с меньшим нажимом. - Извини за резкость. Еще не ложились, со вчерашнего вечера ногам. Ищем этого... Хм, ты вообще работать можешь?

- Да, Ваше превосходительство.

- Ну и славно. А у нас тут такая штукавина... В общем, если в двух словах, то отправил давеча Петр Андреевич, - кивнул обер-полицмейстер на румяного подчиненного в очках, - своего человека к владельцу складов на Гончарной и вот, что выяснилось. Арендовал их странного вида человек. Лица его он не видел, из примечательного... весь в черное завернут и в руках у него трость черная.

- Вот эта, - продемонстрировал Меркулов Его превосходительству трофей и тут же объяснился. - Досталась нам после вчерашней драки.

- Дьявол! - Выругался обер-полицмейстер и ударил кулаками по столу. Было видно, что он взбешен не на шутку. - Этот мерзавец ушел?

- Да, к сожалению.

Его превосходительству потребовалось время, чтобы успокоиться. Полицмейстеры, и прежде не отличавшиеся особенной разговорчивостью ныне и вовсе затаились, перестав дышать. Константин Никифорович подобрался, доблестный «гусар» - Николай Соломонович - по-детски вжал голову в плечи, а Петр Андреевич, до этого почти лежавший в кресле, сел прямо. И когда с лица Александра Александровича сошла краснота, ноздри перестали гневно раздуваться, а в глазах перестали сверкать молнии, Его превосходительство продолжил.

- Дело принимает совсем дурной оборот. Мало того, что этот черный человек замешан сразу в двух делах, одно из которых громкое, так еще совершил нападение на пристава следственных дел, моего человека!

- Нельзя знать наверняка, человек ли это, - заметил господин. К слову, его голос звучал все так же спокойно, как и ранее. - Лица его никто не видел, рук тоже. Роста он меньше человеческого.

- Ну вряд ли он аховмедец, - усмехнулся обер-полицмейстер.

- Конечно, непохож, - согласился титулярный советник. - А это здесь при чем?

- Так с владельцем складов, тот который Черного описал, незнакомец расплатился золотыми аховмедскими монетами. Потому и вопросов никаких не было. Золото обладает силой затыкать

любопытные рты.

- Покамест это ни о чем не говорит. Аховмедские монеты могли использоваться нарочно, чтобы мы связали ограбление и убийство Логофета.

- Слишком уж закрученно получается, ну да ладно. Может ты что в Черном заметил, шрам какой или особенность?

- Ничего, - развел руками Меркулов. - Вместо лица черная маска, даже рассмотреть не смог, темная одежда, плащ, трость... вот, - он продемонстрировал новое оружие, которое свободно вышло из ножен.

- Мать Божья, так вот как он этого несчастного аховмедца загубил.

- Именно, - согласился Витольд Львович.

- И как нам теперь сыскать этого Черного злыдня? Конечно, по всем участкам и даже околоткам его приметы разослали, да только что там интересного? Всякого теперь, кто в черном плаще рыскает останавливать?

- Можно через Элариэля попробовать разузнать что занятное, - предложил Меркулов. - Или его еще не сыскали?

- Да нашли его, - скривился Его превосходительство, а первый полицмейстер при тех словах аж вздрогнул, - люди Константина Никифоровича обнаружили. Да только теперь вряд ли чего эльфиец расскажет. В морге тот Элариэль лежит заколотый.

Орчук заметил, как Витольд Львович так сжал кулаки, что те аж побелели от отхлынувшей крови. Мих и сам понимал, дело теперь дрянь. Сели они, все они, в большущую грязную лужу. А как выбираться оттуда непонятно.

- Он в морге, Ваше превосходительство? - Задумчиво переспросил Меркулов.

- А где ж ему еще быть? Истинно там.

- Если вы не против, я бы хотел взглянуть на тело.

- Да сколько угодно Витольд Львович. Я уж всякую надежду потерял. Чувствую, последние дни в должности отбываю. Делай, что хочешь, от меня тебе полный карт-бланш.

- Еще кое-что, Ваше превосходительство, - уже почти дошел до двери Меркулов, но вернулся. - Я тут на пепелище нашел кое-что, да в суе запаматовал показать, так и езжу второй день, вот, - титулярный советник достал оплавленное золотое перо отдал обер-полицмейстеру.

- А вот это интересно, позвольте, - восторгнулся Петр Андреевич, что чуть не обронил очки. - Перо-вольница.

- Ну что нам с того? - Пожал плечами Александр Александрович. - Жалко, другого слова не скажу, потеряна вещица.

- Ваше превосходительство, посмотрите, - указал толстенький полицмейстер на черные камни, - ведь ранее это были бриллианты, а теперь графит. Это может значит только одно... Витольд Львович, вы можете ехать, мы теперь сами разберемся.

Меркулов кивнул и вышел прочь, а орчук, даже не разгибаясь в челобитье, попятился за ним. Чувствовал Мих, что день будет суетный. Самое же мерзкое, что опять с беготни начался и поест толком не успели.

Несколькими часами ранее

Ночная мгла окутала пристройку у дальнего выхода из полицмейстерства, как отчаянье окутывает потомственного дворянина, получающего менее двухсот рублей жалованья в месяц и пытавшегося одновременно с этим покупать новое платье и посещать приличные собрания. Главное учреждение, занимающееся именно тем, чтобы в темное время суток жителям Моршана жилось в высшей степени покойно, затихло и само. Редко где скрипнет половинца или застучат по лестницам сбитые каблуки фельдфебеля, но двое, пришедшие сюда в этот поздний, а скорее даже ранний час, все равно замолкали, прислушиваясь к постороннему шуму.

- Что ж ты, раззява, на глаза ему попался? Сказано тебе было, следить, не вызывая подозрений, - качнулась тень повыше.

- Магия, - только и ответил низкий собеседник.

- Магия, - передразнил его первый. - И трость дурацкую у тебя отобрал.

- Могу вернуть, - предложил низкий, - Меркулов силен днем, но когда-то даже ему нужно спать.

- Ага, не ровен час еще на орка его сторожевого наткнешься, чурбан ты эдакий.

- Большой, но неловкий, легкая цель, - как-то не слишком эмоционально ответил Низкий, будто речь шла о сорте копченой колбасы, - могу и титулярного советник сразу...

- Болван! Не дай Бог что с Меркуловым случится я тебя в порошок сотру. Нужен он нам еще для осуществления плана.

- Моему хозяину нужно только одно, чтобы святыня была переправлена Тарстоун. Сколько людей или прочих погибнет при этом ему не интересно.

- Удила пусть твой хозяин закусит, да терпения наберется. После ограбления Императорского музея каждый корабль или дилижанс из Славии проверяются, а уж в столицу Великооблинару тем более. Ждать надо, а пока святыня у меня побудет, ничего с ней не сделается. Будет дополнительная гарантия моей сохранности, ведь всей суммы я так и не увидел.

- Полностью всю сумму вы получите после передачи святыни, - голосом заводного болванчика, точно не в первый раз этот разговор уже был, отвечал Низкий.

Высокий хотел возразить, но по улице проехал экипаж и он на всякий случай замолчал. Не хотел, чтобы даже посторонний прохожий, мимо шествовавший, бубнеж услышал (полностью речь тут разобрать трудно). А когда вновь стихло все, продолжил.

- Что по Витольду этому, выскочке, делать я тебе позже скажу. Он у меня еще хлебнет сполна. Но время нужно должно прийти. Чтобы все к мнению о нем сами пришли, без подсказок. А я уж зерно сомнений засею.

- Хорошо. Еще приказы будут?

- Будут. Есть эльфариец, Элариэль, нос свернут у него на бок и глаз правый наполовину прикрыт. Сидит обычно на углу Толмачевского и Никольского переулков, значитца, и обитает рядом. Видел он, как ты козлоногого убил. Понимаешь к чему я?

- Понимаю, нужно устранить.

- В самое ближайшее время. Прямо сейчас туда езжай, к утру, чтобы в морге лежал. Как ты его найдешь, кого распросишь и все остальное, меня не интересует.

- Ясно, - коротко ответил Низкий.

- Последнее... - Высокий замялся, точно размышляя, спрашивать или нет. Но все же сказал. - Неужто так и не покажешь лицо. Меня-то ты знаешь, не ровен час поймают тебя, вряд ли заператься будешь.

- Меня нельзя поймать. И даже, если все же это произойдет, можете быть спокойны. Нет таких попыток, под которыми я бы сознался в том, что знаю. Все, что вам надо знать - мой хозяин наказал исполнять все ваши распоряжения, все остальное пустое.

- Ну-ну, - хмыкнул собеседник. - Вот потому вас, гоблинарцев, и не любит никто. Ясно никогда не выражаетесь, себе на уме.

- Я не говорил, что гоблинарец, - сказал Низкий. - Мне идти уже, светать скоро начнет, или еще что сказать хотите?

- Иди уже, каверзник.

Странной, чуть подпрыгивающей походкой, выскочил во внутренний двор Невысокий. Ночь Моршанская хоть и звездная выдалась, луна вон тоже серебристым боком подсвечивает, а все же не удалось в нем ровно ничего разглядеть. Сам непонятный, человек или прочий, фигура в черное завернута, только пристальнее присматриваться начнешь, а он до угла дошел и юрк куда-то, будто и не было его.

Если б кто чужой подслушивал, шпик затаившийся или сам Господь Бог, то ожидал бы после, чтобы Высокий вышел. Ан нет. Заглянешь в пристройку, там пусто уже, только дверь вовнутрь неплотно затворена. Оно что значит? Что если и был кто здесь, то ушел через полицмейстерство. Может и вовсе не покинул его, а до сих пор там ходит.

Только Моршану к тому равнодушен, столица Славии спит беспробудным сном. И все равно ей, что тут заговорщики толкуют, что в полицмейстерстве человек с дурной совестью появился, что вскорости в Захожей слободе не самый честный эльфариец умрет. Безразличен ко всему Моршан, не верит чужим слезам и горестям, впрочем, как и всегда.